

УДК 165.0
DOI: 10.17223/1998863X/54/2

О.А. Козырева

ТЕЗИС О ПРИВАТНОСТИ МЕНТАЛЬНОГО И ЕГО СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА¹

Статья посвящена тезису о приватности ментального в философии сознания и тем следствиям, которые возникают в философии языка при принятии этого тезиса. Утверждается, что три следствия данного тезиса – осознание ошибочности дуализма языков описания, пересмотр концепции языка и признание языковой сущности проблемы знания о себе – приводят к пониманию необходимости отказа от него.

Ключевые слова: приватность, ментальное, язык, философия сознания, философия языка.

Проблема приватности существует как в философии сознания, так и в философии языка. В философии сознания эта проблема связана с принятием тезиса о приватности ментального (mind), который ведет к скептицизму в отношении существования других сознаний и к теоретическим трудностям с понятием феноменальных свойств опыта (квалиа), которые, согласно традиционному взгляду, доступны для обнаружения исключительно самому носителю этого опыта. В философии языка проблема приватности чаще всего ставится в рамках обсуждения возможности индивидуального языка (private language) и напрямую затрагивает вопрос о природе значения в целом.

Я полагаю, что тезис о приватности ментального первоначально возникает и принимается в философии сознания, а затем переходит в философию языка. Этот переход сопровождается пересмотром концепции языка и последующим отказом от приписывания ментальному свойства приватности. Для того чтобы продемонстрировать обозначенную выше трансформацию, в первой части статьи я рассмотрю тезис о приватности ментального и возникшие в связи с ним проблемы в философии сознания, а во второй части представлю три основных следствия принятия этого тезиса для философии языка, которые привели к пониманию того, что тезис о приватности ментального должен быть отвергнут.

I

На первый взгляд, тезис о приватности любого объекта обладает эпистемическим характером. Этот тезис формулируется на основании ответов на следующие вопросы: а) какая дефиниция должна быть дана приватности? б) каким объектам приписывается свойство приватности? в) на каких основаниях может происходить это приписывание? г) познаваемы и если да, то каким образом объекты, которым приписывается свойство приватности?

Наиболее общую дефиницию приватности можно сформулировать следующим образом: объект обладает свойством приватности тогда и только

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00324.

тогда, когда непосредственный эпистемический доступ к этому объекту имеется только у одного агента. В философии сознания свойство приватности обычно приписывается отдельным ментальным состояниям или ментальному в целом, понимаемому как совокупность ментальных состояний. Ментальное состояние может считаться приватным объектом на основании того, что эпистемический доступ к нему имеется только у одного агента, который находится в этом состоянии: «Все (причем исключительно) ментальные явления являются существенно приватными или все (причем исключительно) ментальные явления являются существенно такими, что для каждого наличествующего ментального явления имеется агент, чье эпистемическое отношение к этому явлению, как правило, тем или иным образом главенствует над эпистемическими отношениями к этому явлению всех других агентов» [1. Р. 2].

В самом широком смысле под эпистемическим доступом или эпистемическим отношением подразумевается возможность воспринимать некоторый объект и приобретать знание о нем. Традиционно считается, что существует два вида такого доступа – непосредственный и опосредованный. В рамках философии сознания разграничение между видами эпистемического доступа (и между приватными и неприватными объектами) является одним из основных аспектов субстанциального дуализма, в классическом варианте которого утверждается наличие двух несводимых друг к другу субстанций – ментального и физического – которые обладают различными свойствами. Несмотря на то, что субстанциальный дуализм давно вытеснен физикализмом в его самом общем виде и постепенно избавляющимся от теоретических трудностей дуализмом свойств, сам тезис о приватности ментального, возникший как раз в рамках субстанциального дуализма, так или иначе присутствует в дискуссиях о природе ментального.

Согласно классическому субстанциальному дуализму непосредственный доступ к содержанию ментального имеется только у самого носителя ментального. При этом такой вид доступа обеспечивается за счет принимаемого сторонником субстанциального дуализма онтологического тезиса о прозрачности ментального для его носителя. Этот тезис предполагает, что, во-первых, агент осведомлен обо всех ментальных состояниях, в которых он находится, а во-вторых, агент обладает знанием обо всех своих ментальных состояниях, причем это знание не подвержено возможным ошибкам. Это, в свою очередь, приводит к тому, что утверждение, в котором агент приписывает себе наличие некоторого ментального состояния, всегда с необходимостью будет истинным. Иначе, агент логически¹ не способен поставить под сомнение наличие у него определенного ментального состояния (если я воспринимаю некоторый объект как красный, то мое суждение «я вижу красный объект» будет истинным, даже если мое суждение «этот объект является

¹ У. Олстон отмечает, что в рамках проблематики привилегированного доступа можно выделить три вида несомненности в наличии у агента ментального состояния: логическую невозможность сомнения, психологическую невозможность сомнения и невозможность наличия каких-либо оснований для сомнения [2. Р. 226]. Сам У. Олстон полагает, что адекватной является последняя версия, однако, на мой взгляд, именно логическая невозможность сомнения наиболее полно характеризует тезис о прозрачности ментального, так как в отличие от двух других она единственная накладывает ограничения на неконтролируемое приписывание ментальных состояний агентом самому себе (необходимость истинности наличия ментального состояния).

красным» будет фактически ложным, поскольку другими агентами этот объект воспринимается как зеленый и его физические характеристики таковы, что позволяют считать его зеленым). На данный момент я оставляю в стороне различие между знанием о некотором объекте и непосредственным доступом к некоторому объекту и далее рассмотрю вопрос о том, является ли концептуальной ошибкой их отождествление или нет.

У тезиса о прозрачности ментального для его носителя есть парный эпистемический тезис – тезис о привилегированном доступе к ментальному у его носителя. Этот тезис утверждает, что носитель ментального обладает привилегированным доступом к своим ментальным состояниям по сравнению с другими окружающими его агентами. Исходя из этого тезиса, необходимо признавать эпистемическую асимметрию между знанием от первого лица и знанием от третьего лица. В таком случае одним из основных критериев, является ли знание некоторого объекта непосредственным или нет, будет отсутствие каких бы то ни было доказательств (evidences), которые могли бы стать «посредниками» между познающим агентом и познаваемым объектом [3]. Единственный способ приобрести непосредственное знание о своих ментальных состояниях – использовать имеющуюся у агента особую способность к их обнаружению, т.е. интроспекцию. Безусловно, идея интроспекции имеет долгую историю, и ее противоречивость и несостоятельность давно были продемонстрированы многими философами. Однако в том или ином виде отголоски этой идеи возникают и в современной философии сознания, когда речь заходит о возможности схватывать содержание ментальных состояний и переживать качественный характер этих состояний.

В случае с опосредованным доступом к объектам необходимо наличие способности чувственного восприятия для первичного контакта с объектами и особых эпистемологических процедур (индукция, дедукция и т.д.), с помощью которых возможно приобретение знания об этих объектах. Подобное знание – в отличие от знания непосредственного – подвержено ошибкам, корректировать и исправлять которые могут все агенты, поскольку они обладают одинаковым – опосредованным – доступом к объектам. При рассмотрении стола или книги все агенты находятся в одинаковом эпистемическом отношении к этим объектам; отличия заключаются только в различных перспективах, с которых агентам являются объекты, поскольку каждый из агентов находится в уникальной пространственно-временной точке. Отсутствие привилегированной позиции при контакте с физическими объектами означает, что все они могут быть, в принципе, обнаружены всеми агентами. Другими словами, все физические объекты являются публичными.

Возникшее в субстанциальном дуализме разделение всех объектов универсума на два класса – класс частных объектов и класс публичных объектов – привело к методологической проблеме наличия строгого критерия определения того, в какой класс попадает тот или иной объект. Отсутствие четкого критерия приписывания свойства приватности объектам было одной из проблем, из-за которой традиционная концепция ментального подвергалась серьезной критике.

Наиболее подробно существующие в философии критерии приписывания свойства приватности объектам рассматривал А. Айер. Стоит отметить, что А. Айер обсуждал их в рамках дуализма ментального и физического,

вследствие чего основное внимание в его статье уделяется ментальным состояниям, а проблематика языка и теоретические допущения понятия приватности в целом, независимо от области философского знания, в которой оно используется, не исследованы.

Итак, А. Айер выделяет четыре критерия приписывания свойства приватности объектам. Первый критерий «наделяет объекты свойством приватности для конкретного человека, если существование этих объектов может быть обнаружено только данным человеком, и невозможно помыслить, чтобы их существование мог обнаружить кто-либо другой» [4. Р. 79]. Вторым критерий является более слабой версией первого и гласит, что объекты являются приватными для человека, если «существует, по крайней мере, один способ, каким он может обнаружить их существование, в то время как другие люди не могут» [4. Р. 79]. Иными словами, если при первом критерии объекты считаются приватными только тогда, когда всех их свойства может обнаружить лишь один агент, то при втором критерии объекты считаются приватными даже тогда, когда их существование в принципе обнаружимо другими, но как минимум одно из свойств может быть обнаружено только одним агентом.

Наибольшее внимание А. Айер уделяет последующим критериям, которые с точки зрения эпистемического аспекта приватности больше распространены в философии сознания, чем первые два. Третий критерий утверждает, что «у человека имеется приватный доступ к тем объектам, его влияние над которыми не может быть отвергнуто» [Ibid]. Про последний критерий А. Айер пишет, что «приписывание приватности можно объединить с вопросом „является ли свойство приватным или публичным“, понимаемым как вопрос о том, можно ли разделить это свойство с другими людьми или нет» [4. Р. 80]. Использование третьего критерия приписывания свойства приватности ментальным состояниям можно обнаружить в тезисе о привилегированном доступе к ментальному у его носителя, так как последнее слово о том, испытываю я в данный момент боль или нет, всегда остается за мной, даже если другие агенты тоже могут выносить суждения о том, что мне больно, на основании внешне наблюдаемого моего поведения или фиксируемых реакций моего мозга. Сам А. Айер полагает, что допустимо утверждать и то, что у агента имеется привилегированное знание о своем нахождении в определенном ментальном состоянии, и то, что сообщение агента об этом ментальном состоянии может быть ошибочным [Ibid. Р. 71–73]¹.

На мой взгляд, указание А. Айера на отсутствие следования от наличия привилегированного доступа к логической невозможности ошибки при вынесении суждения связано с прояснением отношений между понятиями знания, осведомленности и обладания эпистемическим доступом. Не вызывает сомнений, что обладание эпистемическим доступом к некоторому ментальному состоянию и обладание знанием о некотором ментальном состоянии имеют различный смысл. Я могу иметь непосредственный доступ к своему восприятию красного, поскольку это красное воспринимаю именно я, но в то же время я могу не знать о том, что, во-первых, это действительно красный цвет

¹ А. Айер иллюстрирует свою позицию на примере с судьей, чьи решения не подлежат пересмотру высшей инстанцией. Несмотря на то что вынесенное им решение может быть неправильным (т.е. подвержено ошибкам), никто не вправе обжаловать такое решение, что приводит к тому, что выводы судьи не могут быть опровергнуты.

(я могу страдать от дальтонизма и видеть красным другой цвет или просто ошибаться в использовании слова «красный», когда выношу суждение «я вижу красный»), а во-вторых, что в данный момент я действительно воспринимаю красное (я могу быть осведомлен только о том, что воспринимаю синий объект, находящийся в центре моего зрительного поля, но в мой мозг одновременно поступают сигналы и о наличии на периферии зрительного поля красных объектов).

Таким образом, различие между эпистемическим доступом и знанием основывается на двух моментах. Первый момент касается того, что «знать» сближается по смыслу с «быть осведомленным о». Осведомленность же требует не только чисто формального наличия в зрительном поле агента объекта красного цвета, но и активного доминирования этого объекта в зрительном поле. В данном случае агент осведомлен, т.е. знает о том, что он воспринимает нечто красное. Осведомленность также может затрагивать не характеристику воспринимаемого объекта, но сам процесс восприятия, когда агент может вынести суждение о том, что с ним происходит (например, «я вижу нечто красным»). Но осведомленность не предполагает, что агент должен знать биологический базис своего акта восприятия, от агента не требуется знать в смысле обладать набором информации. Второй момент различия между эпистемическим доступом и знанием заключается в том, что в самой идее эпистемического доступа не содержится идеи обязательной осведомленности об объекте, к которому имеется такой доступ. Напротив, если агент знает (или осведомлен) о некотором ментальном объекте, то у него должен иметься какой-либо доступ к содержанию своего ментального, чтобы суметь вынести суждение об этом ментальном объекте.

Использование четвертого критерия, выделенного А. Айером, обнаруживается в формулировке проблемы существования других сознаний. Она представляет собой вопрос о том, чем обосновано приписывание определенных мыслей и чувств другим агентам, если у нас нет непосредственного доступа к их ментальным состояниям, пронаблюдав которые, мы смогли бы вынести решение о том, что эти агенты обладают ментальным наравне с нами. Традиционно на этот вопрос отвечают, что нашим основанием выступает рассуждение по аналогии либо биологического характера (я принадлежу к виду *Homo Sapiens* и обладаю ментальным, обладание ментальным является видовым признаком *Homo Sapiens*, из этого следует, что другие агенты, принадлежащие к виду *Homo Sapiens*, тоже обладают ментальным), либо бихевиористского характера (мое поведение обусловлено моими ментальными состояниями, соответственно, схожее с моим поведение других агентов должно быть обусловлено их ментальными состояниями).

По мнению А. Айера, проблема существования других сознаний является результатом неверно понимаемого тезиса о привилегированном доступе к ментальному у его носителя [4. Р. 75–78]. Привилегия агента в отношении знания содержания своего ментального реализуется потому, что ментальное – это ментальное этого конкретного агента. Нет необходимости в том, чтобы агент был единственным, у кого имеется привилегированный доступ. Отсутствия такой необходимости, с точки зрения А. Айера, достаточно для того, чтобы считать несостоятельным четвертый критерий приписывания свойства приватности: если возможно, что знанием о моих ментальных состояниях

обладаю не только я, но и другие люди, то либо мои ментальные состояния перестают рассматриваться как приватные – а это противоречит основной пресуппозиции этого критерия, либо критерий не позволяет однозначно определить, является ли объект приватным или нет.

Рассмотренные А. Айером критерии приписывания свойства приватности ментальным состояниям не только не помогают провести разграничение между приватными и неприватными объектами, но и приводят к возникновению содержательных проблем наподобие проблемы существования других сознаний. Таким образом, можно сделать вывод о том, что тезис о приватности ментального в философии сознания является достаточно противоречивым тезисом. Выявить эту противоречивость и указать на необходимость пересмотра этого тезиса, а вслед за ним и природы ментального помогла философия языка.

II

Я выделяю три основных следствия тезиса о приватности ментального для философии языка. Первое следствие состоит в возникновении идеи необходимости преодоления дуализма языков описания универсума, второе – в пересмотре концепции языка в целом, и третье – в признании языковой природы феномена знания о себе. Я проиллюстрирую каждое следствие позицией того или иного философа, но не буду затрагивать вопрос об успешности предлагаемых ими стратегий аргументации, поскольку подробное рассмотрение сильных и слабых сторон аргументов потребует немалого количества страниц. Моя задача в данной статье состоит лишь в том, чтобы показать теоретическую историю тезиса о приватности ментального в философии сознания и философии языка, не давая критической оценки аргументам за или против этого тезиса.

Обозначенное мной первое следствие является достаточно очевидным и заключается в том, что приватное ментальное находится в оппозиции к публичному физическому, порождая дуализм языков описания и следующую из него проблему взаимопереводимости языков. Речь идет о том, что нам необходимо иметь два различных языка для описания двух принципиально различных по своей природе объектов – язык для описания ментальных объектов и язык для описания физических объектов. Проблема взаимопереводимости языков возникает в данном случае потому, что эти два языка описывают объекты с абсолютно противоположными (и даже взаимоисключающими) свойствами.

Так, Р. Карнап пытался разрешить проблему существования двух различных языков – психологического¹ и физического – утверждая, что «для каждого психологического предложения C1 существует соответствующее ему физическое предложение C2, поэтому C1 и C2 являются эквивалентными в отношении определенных действующих законов» [5. Р. 95]. Р. Карнап, как известно, отвергал метафизический способ постановки философских вопросов. Идея разграничения ментального (или психического) и физического тоже входила в перечень таких метафизических и, как следствие, бессмыслен-

¹ В данном контексте психологическое и ментальное синонимичны. Я предполагаю, что Р. Карнап сделал выбор в пользу первого с целью подчеркнуть свой разрыв с классической метафизикой картезианства.

ных проблем. Согласно Р. Карнапу, все предложения обо всех объектах переводимы на физический язык, что, в свою очередь, означает, что существует только одна единая языковая система для всех объектов, доступных для научного исследования.

В чем состоит преимущество в единстве языка описания объектов? Другими словами, что плохого в дуализме между приватными (ментальными) и публичными (физическими) объектами? Я полагаю, что дуализм подобного рода может быть подвергнут критике, так как возможны ситуации, в которых объект со свойством физическое не будет обладать свойством публичное, не будет обладать свойством приватное, а объект со свойством ментальное не будет обладать свойством приватное, но будет обладать свойством публичное. Это означает, что не необходимо, чтобы некоторый объект обладал одновременно парой свойств ментальное – приватное или физическое – публичное. А. Айер, чьи взгляды рассматривались ранее, по сути, продемонстрировал, что такие объекты возможны, а имеющиеся в философии сознания критерии разграничения приватных объектов от неприватных не работают. В результате более привлекательной с точки зрения построения теории ментального оказывается не дуалистическая онтология, но монистическая, причем физикалистского типа: при использовании единого языка описания универсума – языка физики, как предлагал Р. Карнап, – не возникает необходимости в анализе оппозиции между приватным и публичным как существенных свойств ментального и физического.

Второе следствие заключается в том, что приписывание свойства приватности ментальному накладывает ограничения на концепцию остенсивного определения. Причина этого состоит в том, что реферировать к объектам приватного, следовательно, невалидируемого опыта посредством языка для коммуникации о верифицируемых сообществом агентов объектах невозможно. Поскольку осуществить референцию не удастся, возникает область невыразимых на естественном языке объектов, возможность познания которых отсутствует как раз в силу их невыразимости (например, квалиа). Неприятие такого рода вывода привело к изменениям в представлении о языке в целом: интенции и внутренний опыт говорящего, скрытые от наблюдения и верификации, перестают рассматриваться как конституирующий элемент значения слова и превращаются в результат функционирования правил языка и принятых в обществе языковых конвенций.

Безусловно, главную роль в пересмотре концепции языка сыграл аргумент Л. Витгенштейна против индивидуального языка. Этот аргумент развивается в «Философских исследованиях» начиная с § 243, в котором Л. Витгенштейн предлагает задаться вопросом о мыслимости такого языка, в котором слова «должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, – к его личным, непосредственным впечатлениям» [6. С. 171]. В индивидуальном языке подобного рода критерием правильного употребления говорящим языкового выражения для обозначения некоторого своего ментального состояния служила бы только его личная уверенность в том, что он правильно соотносит свое внутреннее состояние с языковым выражением. Стабильность значений слов в таком языке основывалась бы на непогрешимости памяти говорящего, так как только так говорящий мог бы продолжать использовать выбранное им однажды языковое выражение для обозначения

одного и того же ментального состояния. Но проверить правильность или же указать на ошибочность употребления языкового выражения не представляется возможным из-за отсутствия других агентов, знакомых с правилами употребления тех или иных выражений. И если агент в принципе не может совершить ошибку, потому как любое употребление им языкового выражения может считаться правильным, ведь правила устанавливает именно он, то это значит, что сам разговор о правильном или неправильном использовании языка является бессмысленным.

Л. Витгенштейн демонстрирует, что существование такого индивидуального языка, по меньшей мере, сомнительно, а по большей – невозможно. Исходя из этого вывода, становится понятно, что за словами нашего обыденного (неиндивидуального) языка не могут скрываться приватные ментальные состояния. Употребление нами таких слов, как «боль», «радость», «убеждение» и т.д., не обусловлено реферированием к нашим приватным ментальным состояниям; значения этих слов отсылают лишь к поведению, которое доступно для наблюдения в отличие от приватных ментальных состояний.

Третье следствие затрагивает природу феномена знания о себе. В философии языка проблема знания о себе традиционно формулируется как вопрос о том, «как мы приписываем ментальные состояния самим себе и почему эти приписывания обладают привилегированностью от первого лица и эпистемически влиятельны» [7. Р. 296]. Но такая формулировка проблемы ничего не утверждает о наличии некоторых приватных ментальных состояний, знать содержание которых может только агент, в них находящийся, благодаря тому что обладает непосредственным эпистемическим доступом к содержанию своего ментального. Она утверждает лишь то, что в нашем языковом сообществе существует определенная практика приписывания ментальных состояний самим себе и последующего признания того, что наши утверждения о нахождении себя в таких-то и таких-то ментальных состояниях (например, «мне больно», «я убежден», «я вижу красный» и т.д.) обладают привилегированным статусом по сравнению с утверждениями о том же, сделанными другими агентами.

Г. Эванс рассматривает проблему знания о себе через анализ так называемых Я-мыслей – суждений, в которых агент приписывает себе некоторые мысли, чувства и действия. Он утверждает, что мы не можем совершить ошибку в идентификации агента в случае вынесения суждений о своих ментальных состояниях, так как мы в принципе не идентифицируем себя. Мы действительно обладаем привилегированным доступом, но это доступ не к содержанию ментальных состояний, как то утверждает тезис о приватности ментального, а к тому, кто является агентом, которому приписываются определенные мысли, чувства и действия. Г. Эванс также отмечает, что приписывание ментальных состояний самому себе основано не на обращении к приватной сфере ментального наподобие «картезианского театра». Приписывание ментальных состояний самому себе происходит в результате нашего взаимодействия с внешним миром, а не в результате восприятия внутренних ментальных состояний: «Всякий раз как вы в состоянии вынести утверждение о том, что *p*, вы *ipso facto* в состоянии вынести утверждение о том, что „я убежден, что *p*“» [8. Р. 114].

На сложившийся неверный способ описания того, как возможно знание самого себя, указывал и С. Шумейкер [9]. Он утверждал, что трудность в приписывании ментальных состояний самому себе заключается в том, что в естественном языке укоренена перцептивная модель описания процедуры такого приписывания, при которой вынесение суждения агентом о том, что он находится в определенном ментальном состоянии, отождествляется с отчетом агента о внутреннем восприятии некоторого приватного ментального объекта. Такая модель требует наличия самости, которую агент должен идентифицировать как основного референта всех ментальных состояний. Однако когда агент использует местоимение Я при вынесении суждения о своих ментальных состояниях, он не только не идентифицирует самость, но и не реферирует к ней.

В заключение хотелось бы отметить, что обозначенные мной три следствия тезиса о приватности ментального сыграли важную роль в смещении дискуссий о природе ментального и статусе мыслящего агента в плоскость языка. С одной стороны, этому поспособствовала успешная аргументация в пользу того, что суждения о ментальных состояниях других агентов могут быть вынесены только на основании их публично наблюдаемого поведения, а с другой – идея, которую еще в середине XX в. сформулировал Р. Воллхайм, а именно, что «приписываемая субъекту приватного утверждения привилегия происходит не из какой-то эмпирической ситуации и не из какого-то экстралингвистического правила или конвенции, но из логики самого языка» [10. Р. 96].

Литература

1. Bailey G.W.S. Privacy and the Mental. Amsterdam: Rodopi, 1979.
2. Alston W. Varieties of Privileged Access // American Philosophical Quarterly. 1971. Vol. 8, № 3. P. 223–241
3. Heil J. Privileged Access // Mind, New Series. 1988. Vol. 97, № 386. P. 238–251.
4. Ayer A. Privacy // The Concept of a Person and Other Essays. London : Palgrave Macmillan, 1963.
5. Carnap R. Philosophy and Logical Syntax. London : Kegan Paul; Trench; Trubner & Co.; Ltd., 1935.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994.
7. Paul S.K. The Transparency of Mind // Philosophy Compass. 2014. Vol. 9, № 5. P. 295–303.
8. Evans G. Self-identification // Self-reference and Self-awareness / ed. by A. Brook and R.C. DeVidi. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2001.
9. Shoemaker S. Self-reference and self-awareness // Self-reference and Self-awareness / ed. by A. Brook and R. C. DeVidi. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001.
10. Wollheim R. Privacy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1951. Vol. 51, № 1. P. 83–104.

Olga A. Kozyreva, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: olgakozyreva@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 19–28.

DOI: 10.17223/1998863X/54/2

THE PRIVACY OF MIND AND ITS IMPLICATIONS FOR THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Keywords: privacy; mind; language; philosophy of mind; philosophy of language.

In this article, the author considers the privacy of mind thesis in the philosophy of mind and in the philosophy of language. She argues that this thesis is inconsistent, and its inconsistency becomes clear when the thesis passes to the philosophy of language. The first part of the article examines the thesis itself and the problems this thesis causes in the philosophy of mind. The author provides the general definition of privacy, i.e., an object might be considered private if there is only one agent who has a direct epistemic access to it. Then, she analyzes the relations between the privacy of mind thesis, the transparency thesis, and the privileged access thesis. She presents Alfred Jules Ayer's four criteria of privacy and demonstrates that these criteria do not help to distinguish between private and public objects. The second part of the article deals with the three main implications of the privacy of mind for the philosophy of language. The author argues that it is these implications that have led to the rejection of this thesis. The first implication concerns dualism in descriptive languages implied by the opposition between private / mental objects and public/physical objects. These languages seem to be untranslatable into each other giving rise to attempts to construct a single unified language. The author gives an example of Rudolf Carnap's project of reducing sentences about agent's mental states to sentences about his / her physical states. The second implication is about restrictions that the privacy of mind places on the conception of ostensive definition. The reason for that is that it is unclear how to refer to private mental objects and gain knowledge about them. Here, the author discusses Ludwig Wittgenstein's criticism of the conception of ostensive definition. The third implication involves the revision of self-knowledge. Given the refusal of the privacy of mind, one tends to construct the concept of self-knowledge as a linguistic practice of mental self-ascriptions. Gareth Evans and Sydney Shoemaker exemplify this tendency while criticizing the perceptive model of self-knowledge and rejecting the idea of a metaphysical referent, i.e., the self, in such kind of knowledge. The author briefly concludes that the philosophy of language revealed and proved the inconsistency of the privacy of mind thesis, which in turn resulted in a new idea of the linguistic nature of mind.

References

1. Bailey, G.W.S. (1979) *Privacy and the Mental*. Amsterdam: Rodopi.
2. Alston, W. (1971) Varieties of Privileged Access. *American Philosophical Quarterly*. 8(3). pp. 223–241.
3. Heil, J. (1988) Privileged Acces. *Mind, New Series*. 97(386). pp. 238–251. DOI: 10.1093/mind/XCVII.386.238
4. Ayer, A. (1963) *The Concept of a Person and Other Essays*. London: Palgrave Macmillan.
5. Carnap, R. (1935) *Philosophy and Logical Syntax*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
6. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Research]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.
7. Paul, S.K. (2014) The Transparency of Mind. *Philosophy Compass*. 9(5). pp. 295–303. DOI: 10.1111/phc3.12126
8. Evans, G. (2001) Self-identification. In: Brook, A. & DeVidi, R.C. (eds) *Self-Reference and Self-Awareness*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company.
9. Shoemaker, S. (2001) Self-reference and self-awareness. In: Brook, A. & DeVidi, R.C. (eds) *Self-Reference and Self-Awareness*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company.
10. Wollheim, R. (1951) Privacy. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 51(1). pp. 83–104.